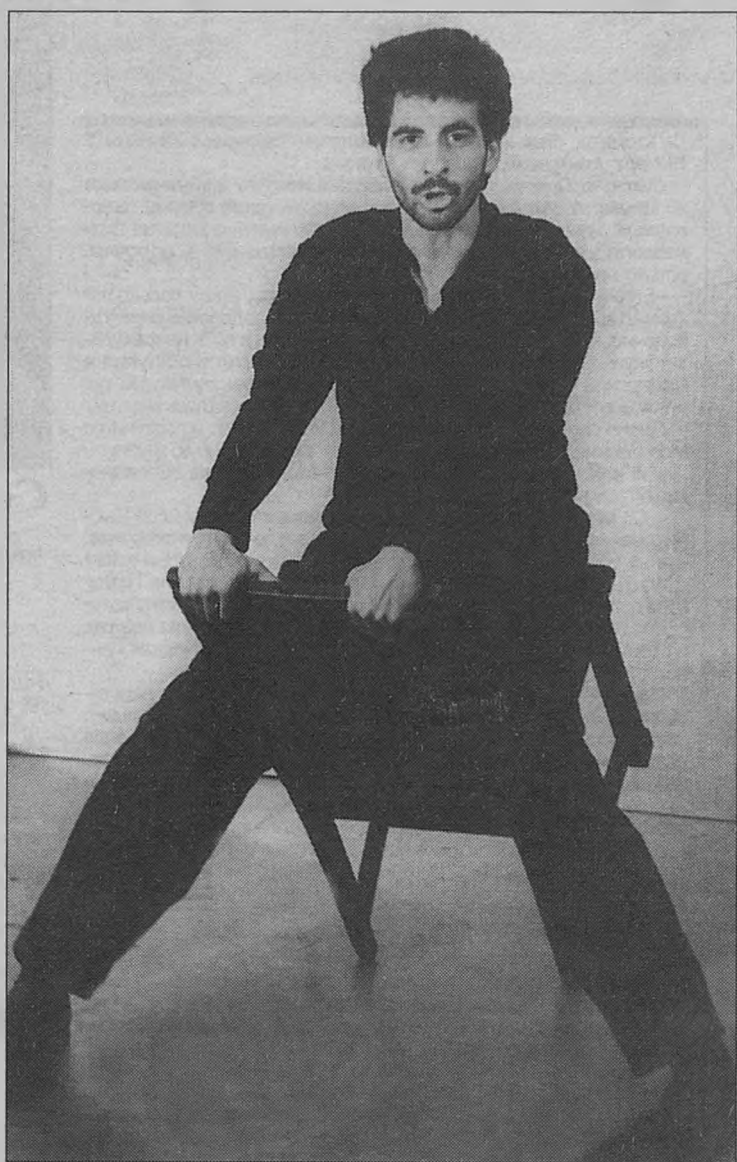

Этой весной Александринский театр сыграл премьеру не дома и даже не на гастролях в Тосно, а как всякий уважающий себя современный российский театр, — в Европе. Первое представление спектакля “Елизавета Английская” по пьесе Бруннера состоялось в Швейцарии, в театре знаменитого города Монтре. Петербуржцы увидят спектакль в Царском фойе Александринского театра лишь осенью, поскольку сезон закрыли непривычно рано, отправившись на гастроли в другую сторону — в Сибирь. Но четыре спектакля, сыгранные артистами в Швейцарии, произвели такое впечатление на обе стороны, что европейский маршрут тоже может стать традиционным. Множество рецензий в газетах, нежная дружба с Театральным центром Шабле-Ривьер, успех швейцарской “Пышки” на петербургской сцене...

Из шести актеров (а в “Елизавете Английской” заняты звезды нынешней Александринки — Нина Ургант, Наталья Панина, Игорь Волков, Дмитрий Воробьев, Сергей Паршин) у одного — Александра Баргмана — с Монтре свои отношения.

— Я много читал о Монтре в связи с моим увлечением Набоковым, но никак не мог понять, что же есть в этом городе такого, что привлекало писателя. А когда оказался там, долго не мог подобрать слова: что же это такое? Потом, кажется, нашел. Это случайный рай. Понимаете, это такой маленький город, через который проходят поезда, мчатся машины, и ты можешь проехать мимо, не заметив. Пропустить этот рай. Там время останавливается. Там покой. Ты можешь пройти по улице и никого не встретить. Там замечательные дети, за которыми никто не присматривает и которых никто не одергивает. Там старики очень красивые, благородные, седые, загорелые, под ручку, парами гуляют. Как нам объяснили, Монтре и Вевере это города, куда приезжают богатые люди со всего света умирать.

В приложении к Набокову эта тема рая — потерянного рая, потерянной России — перерастает в поиски покоя, гармонии. Здесь он их отчасти обрел. Там все пронизано покоем. В воздухе что-то такое разлито. Эстетическая сторона — природа, ландшафт, красота — это понятно. Но что меня еще поразило, так это отношение ко всему — к жизни, к культуре, к театру. Какие люди работают в их театре! Сумасшедшие, и в то же время получающие огромное удовольствие от своих занятий — ставят ли они свет, готовят ли нам обед — все в кайф. Со стороны швейцарцы могут показаться равнодушным, ленивым народом, но те, с кем сталкивались мы, были удивительно заботливы и теплы. Когда мы приехали, на сцене уже стояла декорация, специально сделанная для нашего спектакля. Реквизит, мебель они покупают у антикваров. А когда нам что-то не

Неслучайный рай Александра Баргмана

подошло, скажем, банкеточка к трону была слишком высокой, они, ничуть не сокрушаясь, спилили у этой банкеточки ножки. Нам не подошли чашки и кубки, они отправились к антиквару, купили другие, а после подарили их нам... По всему было видно, что живут они для удовольствия.

— Свой спектакль вы посвятили, насколько я знаю, памяти первой исполнительницы роли Елизаветы — Ольге Новиковой. Теперь это совершенно другой спектакль?

— Да, конечно. Мы долго колебались, прежде чем после смерти Ольги, вернуться к этой пьесе. От прежнего спектакля ничего не осталось. Даже костюмы Михаил Воробейчик сделал другие. Игорь Волков играет теперь Френсиса Бэкона, а я — Эссекса. Лорда Сэсила — Сергей Паршин. Я рад за Нину Николаевну Ургант, она совершенно блестяще играет Елизавету. В Монтре она имела потрясающий успех, ее называли королева Нина. Когда она шла по отелю, ей каждый раз устраивали овалы. И она просто расцвела, стала еще красивей! На спектакли зрители приезжали со всей Швейцарии. Это был театральный фурор своего рода. Приезжали и эмигранты, среди них были такие знаменитые люди, как барон Эдуард Фальцфейн. Приехал, поцеловал у Нины Николаевны ручку...

Мы очень благодарны нашему директору, который эти гастроли придумал и организовал. Мы понимаем, как это было нелегко.

— Но для вас, Саша, Монтре был привлекателен еще и тем, что это город Набокова.

— Да, мое увлечение Набоковым служило даже объектом для шуток. Так, Сергей Иванович Паршин все время вел устный дневник Набокова, фиксируя каждый наш шаг. Это было очень остроумно. Но Монтре — это город многих знаменитостей. В краеведческом музее целый зал отведен дереву, каждая ветвь его — это великий человек, который жил в Монтре. Толстой, Набоков, Золя, Стравинский, Байрон.

Мы познакомились с удивительной женщиной — знатоком русской культуры и фанатом темы “Русские в Монтре”. Об этом она знает все! Где Ленин встречался с Кропоткиным, в какой мастерской шил себе костюмы Стравинский. Мы жили в отеле “Рояль плаза”, на этом месте раньше стояла вилла Чайковского. Так эта женщина, Эвелин, добилась, чтобы на отеле была доска с надписью: “Здесь был дом Чайковского”.

Набоков жил в самом фешенебельном отеле города — “Палас”, Эвелин сейчас занимается тем, чтобы убедить нового хозяина отеля сделать номер писателя мемориальным, превратить его в музей. То есть мы чувствовали, что швейцарцы берегут каждый кустик, каждый камень, до которого дотронулась рука великого человека, делают из этого историю. После этого я возвращаюсь домой и узнаю, что сгорела усадьба Набокова. Это было такое потрясение! Мы были в Монтре на кладбище, ходили поклониться могиле. Там садовник ходит, цветы поправляет. Сын Набокова, Дмитрий, когда он в Монтре, сам оставляет букеты на могилу. Он сейчас в Нью-Йорке, пишет очередную книгу об отце, мы оставили для него кассету со спектаклем “Душекружение” и письмо. Мне хотелось, чтобы он знал, что Набокова в Петербурге любят и помнят.

— Саша, а как случилось, что вы решили делать спектакль по прозе Набокова?

— Случайно. Но сейчас уже думаю — не случайно. В институте был зачет по речи, надо было читать какие-то прозаические отрывки. Мой педагог Юрий Андреевич Васильев подсунул мне томик Набокова. Я сразу прочел. Потом залпом проглотил все, что было дома и в библиотеке. Остановился на рассказе “Королек”. Тогда Васильев сказал: надо делать спектакль. Я не отнесся к этому серьезно. Но потом снова стал читать. И вдруг как-то ночью понял, что хочу сказать.

Все эти разговоры про холодность Набокова, желчность — ерунда. Он человек, болезненно воспринимавший горе-беду, тонкий, ранимый. Мне хотелось об этом сказать. Я все сразу придумал, выбрал второй рассказ — “Картофельный эльф”, там тоже о стремлении к совершенству, к гармонии. На следующий день я пришел к Васильеву: будем делать спектакль. И в тот же день вечером — клянусь, в тот же день! — звонок с киностудии, зовут на кинопробы. Через два дня меня утвердили на роль молодого Набокова в французском фильме “Мадемазель О”. Тут масса всяких магических совпадений была.

— Где-то вдалеке в репертуаре Александринского театра маячит “Защита Лужина”, так что ваш роман с Набоковым может продолжиться. Впрочем, и “Душекружение” идет на “Чердаке Александринки” все с большим успехом. А встреча с Монтре как-то повлияла на вас самого?

— Да, конечно. Мне бы хотелось перенять ту естественную систему ценностей, в которой живут швейцарцы. И, кажется, получается. Только начнешь суетиться, как вспомнишь: а Женевское озеро? а лебеди? а нарциссы? — и успокоишься. Той энергией покоя мы до сих пор питаемся. Даже из спектакля лишнее кружение и метание ушло. Стал получать наслаждение от игры, от слова. А раньше были сплошные нервы. Эта мысль не новая. Жизнь коротка, а русский человек склонен к страданию. Но в Швейцарии до меня дошло: надо, чтобы каждая секунда была в радость, все, что делаешь, чтобы в кайф. Надо окружать себя аурой удовольствия.

— Я как-то плохо представляю себе Набокова кайфующим...

— Плохо? Плохо?! А я очень хорошо. Помните его фотографию в шортах, с сачком — он такой! В смысле стремления к удовольствию.

— А у вас получается? Чтобы и на сцене — удовольствие, и дома?

— Все лучше и лучше. Я считаю, что артист получает от работы удовольствие тем больше, если у него замечательная семья. Если дома тепло и уютно, если есть свой угол, свой мир, своя маленькая домашняя Швейцария. У меня — есть. Я не понимаю этих разговоров, что артист должен быть одиноким, несчастным, голодным.

Вместе с женой — актрисой Натальей Паниной — Александр Баргман почти каждый вечер выходит на сцену Александринского театра. Дебютировал в 22 года. В 23 сыграл Клавдия в “Гамлете”. Сейчас молодые актеры репетируют с режиссером Ростиславом Горяевым “Три сестры”: Наташа должна играть Машу, Саша — Тузенбаха.

Беседу вела Елена АЛЕКСЕЕВА.